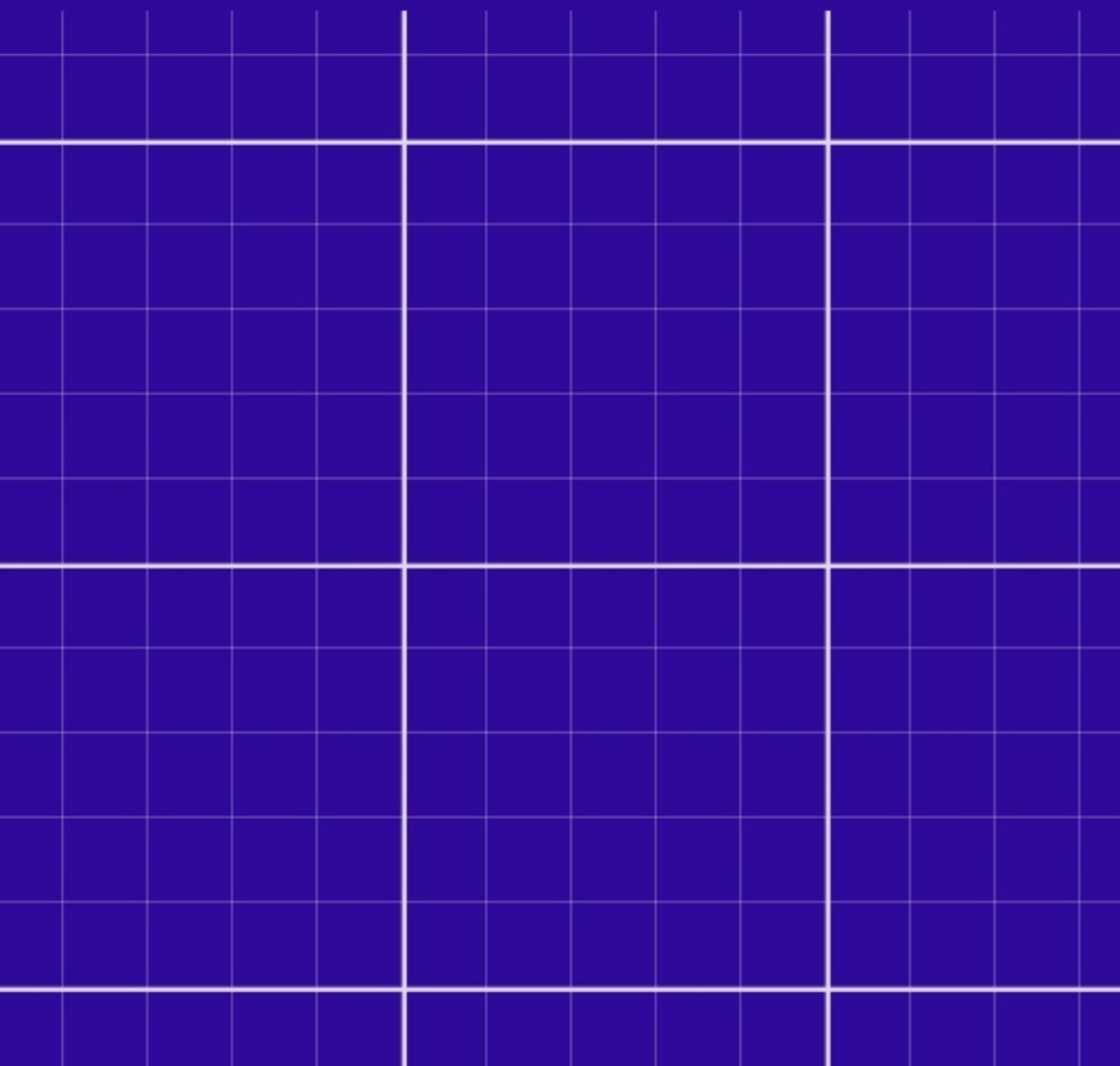

Валерий Гурков

Васильковская Русь

не в клеточку

Валерий Гурков

Васильковская Русь

«Издательские решения»

Гурков В.

Васильковая Русь / В. Гурков — «Издательские решения»,

Здесь собраны мои самые первые стихотворения, которые я написал
в 2014—2015 годах. В основном о славной стороне с берёзовым названием
Русь. Спасибо за выбор!

© Гурков В.

© Издательские решения

Содержание

Это ж Русь! Тут все бабы красивы!	6
Ива	7
Кто миром правит	8
Константиново	9
В ночи о зорьке ясной думает луна	10
Соловей в прохладной тиши	11
Русь!	12
Синеокая Русь!	13
Пражская осень	15
Полонез Огинского	17
Махну ка я в Рязань	19
Россия стала вновь великой	20
Над дубравою солнце клонится	21
Завыл в трубе разбойник ветер	22
Теперь её не растревожит он	23
Отшумела осень. Отгуляла	24
По тропинке голубой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Васильковая Русь
не в клеточку
Валерий Гурков**

© Валерий Гурков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это ж Русь! Тут все бабы красивы!

– Не гони, ямщик, не гони!
Дай мне ту разглядеть, с коромыслом.
До чего ж хороша, что майские дни!
Жаль наряд у неё неказистый.
За такую бы я и деревню отдал,
До чего же мила и пригожа.

– Что ты, барин, в ней увидал?
Девка просто. На всех прочих похожа.
Тут таких, хоть прудом пруди.
Это ж Русь! Тут все бабы красивы!
Глянь одна ышшо впереди.
Ведь не хуже, чем первая дива...

Я на новую диву глаза по указке:
А и впрямь ведь не хуже,
Красива! Как в сказке!

– Да такая, наверно, давно уж при муже?

– Что ты, барин, окстись.
Им шаснадцати нет.
Вот купи всю деревню, да на каждой жанись, —
Прозвучал ямщика с подковыркой ответ...

Ива

Ива милая, взгрустнула?
Над рекою льются слёзы.
Испугалась грома гула?
Иль обидели берёзы?

Не было давно уж грома,
И с берёзами дружна.
Набежала вдруг истома,
Словно нежности волна.

Ива милая, влюбилась?
Расскажи тогда в кого?
Жаль я девой не родилась,
Вот мне грустно от того...

Я б тогда венок связала
Из ромашек, васильков
И под ночи покрывалом
Поджидала бы дружков...

Кто миром правит

Крошим мы жизнь на годы и месяцы
Крошим мы дни на часы и минуты
Лихо взбегаем по юности лестнице
В старости лестницы кажутся круты.

В юности всё хорошо и прекрасно
Души чисты... без ожогов и ран
Нет безысходного слова: напрасно
Кровь будоражит любовный дурман.

Всё впереди: и любовь и карьера
Жизнь улыбается утром всегда
Не понимаем: открыта вольера
В той, что пройдут все наши года.

Жизнь потихоньку мозг нам натрёт
Клеткой из правил, законов и веры
Обручем сдавит ошейника гнёт
Тихою ложью схватит за нервы.

Всё, что мы сделали, нужно кому-то
Тем, кто вложил свои правила нам
Вроде свободны мы каждое утро
С новой молитвой взирая к богам.

Только ведь вера для всех она разная
Хоть и твердим, что Бог наш един!
Чья-то задумка, нас, лживая, грязная
Травит друг с другом из древних глубин.

Как хорошо молодым и здоровым
Глупости много, зачем им мозги
Вот и становятся мясом дешёвым.
Кто миром правит, нужны дураки!

Константиново

Высокий берег над Окой,
Ступени деревянных лестниц
И прелесть «рощи золотой»,
Как память о России вестниц.

Здесь неземная красота
Лугов, полей и пашен.
Чарует леса пестрота,
Что осенью для нас раскрашен.

Здесь отдыхаю всей душой,
Люблю бродить под медью ивы,
И одноногий клён родной
Кивает кудрями учтиво.

Берёзки милые мои,
Меня завидев, грустили,
Как будто вспоминая дни,
Когда Есенина любили...

В ночи о зорьке ясной думает луна

В ночи о зорьке ясной думает луна,
Средь звёзд гуляя в небе золотистом.
Степь уж колышет рощи берега.
Туман плывёт ковылем шелковистым.

Дорога нитью улеглась и ждёт
К себе колёс прикосновений.
Луна ей сквозь берёзы шлёт
Горсть серебра к утру для омовений.

Оно росой сверкает и манит
В атласе трав и шёлка паутины.
Вдруг заалел пурпур зари ланит,
Стерев с луны поблекшие патины...

Соловей в прохладной тиши

Соловей в прохладной тиши
Вот уж час заливается трелью.
До чего ж вечера хороши!
Роща писана, словно пастелью...

Эхо вторит позывы сверчка,
Иногда пролетит майский жук.
Им волной отвечает река
И двух дятлов вдали перестук...

Русь!

Русь! Даль далекая,
Ширь бескрайняя...
Из берёзок и златых полей.
Ты любовь моя одинокая,
Сторона Богом данная,
Нет прекрасней тебя и милей!

Синеокая Русь!

Синеокая Русь!
По полям бирюзой.
Через улицу гусь.
Я за ним молодой.

Мне ещё где-то пять,
Или, может быть, шесть.
Из окна смотрит мать
И зовёт меня есть.

Я махнул ей рукой
И ромашек нарвал.
В черемше козодой
Через прутьев завал.

В небе сильный хлопок,
Самолёта стрела.
Глиной кинул в горшок,
Что по тыну стена.

Где-то блеет козлёнок.
Грохнул дверью сосед.
Пёс залаял спросонок,
Я иду на обед.

Я ещё молодой!
Где-то пять, может шесть.
Возле печки удой,
Я за стол, что б поесть.

Да бабуля грозит.
Черпаком от ведра:
Руки мой, паразит!
Выйди вон из стола.

Улыбаюсь я ей
И ромашки в ответ.
Сам к ведру поскорей,
Ведь остынет обед.

Синеокая Русь!
По полям бирюза.
Я исправно молюсь
И смотрю в образа.

Они в красном углу
Тут висели всегда,
Через жизни всей мглу
Нас хранили века.

Вот теперь, помолясь,
Вновь сажусь я за стол.
К косяку, прислонясь,
Бабка треплет подол.

Ей почти уж под сто,
Да в глазах бирюза.
Мне накрыла на стол,
Чтобы я поснедал.

Сами будут потом,
Ведь вначале мужик,
А в руках мать с котом.
Улыбается лик...

Пражская осень

Пражская с безумной теплотой осень
Нежит и ласкает в солнечных лучах.
Я же вижу матушку всю в проседь,
Дом родной и ужин при свечах.

Угол в образах завешен,
Да под ними лавка, можно лечь.
Образок и мне на грудь повешен,
Для того, что б душу мне сберечь.

Только в Бога ведь давно нет веры,
Я её по свету белу растерял.
Горя. Много горя я хлебнул без меры,
Да с улыбкой кроткой я его встречал.

Пражская с безумной теплотой осень
Нежит и ласкает в утренней росы слезах.
Я и сам давным-давно уж в проседь
С блеском озорным в синь небес глазах.

Не утратил я души ранимость,
Так же посещает её грусть.
Вот и вновь грущу я о родимой,
Стороне с берёзовым названьем Русь.

Той, что ждёт приبلуду-сына
Из далёкой тёплой стороны.
Зазвенит от радости рябина,
И кивнёт черёмуха в мареве луны.

Пражская с безумной теплотой осень
Нежит и ласкает в солнечных лучах.
Только вижу пред собой я яшень
И любовь безмерную в родных очах.

Рядом вижу скромную беседку,
Гроздь рябины у себя в руке
И с собою нежную соседку,
Да собачку на коротком поводке.

Слышу смех её забавный,
Радужный и ласковый такой.
Я вновь молодой да славный,
Потерявший от любви по ней покой.

Пражская с безумной теплотою осень
Нежит и ласкает в солнечных лучах.
Жизнь моя, что призрачная тень,
Протекла, промчалась в миражах.

Нет давно уж дома на пригорке,
На погосте отдыхает мать,
Лишь журавль, что стоит с ведёрком,
Может, продолжает у колодца вспоминать.

Полонез Огинского

Рассвет зарёй стремительно по склону, к горизонту.
Седой мужчина, одинокий, со скрипкою в руке.
Он озабочен, надо дать ответ виконту.
Душа томится, и нервно теревит рука обшлаг на сюртуке.

Граф старый болен. Сын, не любящий оркестра-
Невыгодную вещь, ему сказал продать их всех.
Из уважения к отцу оставить лишь его, маэстро.
Ведь хватит и его для барских всех утех.

Таков удел всех крепостных:
И мастеров, и даже музыкантов.
Принадлежат другим, играя роль немых,
В угоду барства, плюющего на них самих, на их таланты...

И как сказать друзьям об этом?
О том, что пустят с молотка?
Что к каждому из них придёт в семью разгром.
Ведь жён оставят здесь, а не согласных ждёт сибирская тайга.

Волшебник соловей над рощей пролил слёзы.
Сегодня вечером концерт прощальный. Маэстро ноты пролистал.
О как прекрасно пахнут утром розы.
На них взглянув, печально заиграл.

Уселись гости по местам, маэстро знаменит на всю округу!
И даже все далёкие от музыки,
Приехали послушать, что б удивить свою жену или подругу,
Даб не прослыть мужланом, иль прочего конфуза.

Волшебны, словно пенье соловья, поплыли округ звуки
Клавир и скрипки, арфа и кларнет протяжно в душу,
Передавая для других чужой души терзания и муки,
Вдруг в лето, принесся озноб и стужу.

И средь волшебных звуков один играющий поднялся.
Задул свечу, закрыл свою он партитуру, оставив инструмент,
ушёл.
А вскоре поднялся другой, затем другой, к концу маэстро лишь
один остался.
Но вот и он играть закончил, задул свечу и скрипку аккуратно
положил на стол.

Весь красный кинулся к нему виконт:

Что позволяешь ты себе, старик?
Лишь поклонился музыкант в ответ ему во фронт,
И молвил: Я исполнил Вашу волю, Сударь! И взгляд его поник.

– Ну, хорошо, а что играли вы?
– Прощальный с Родиной Огинского то полонез.
– Пусть остаются все. Сыграли хорошо! Достойное творенье,
достойно похвалы.
И ты прости меня, старик! Замявшись, шляхтич произнёс: Прости
меня, отец!

Махну ка я в Рязань

Махну ка я в Рязань, в деревню.
Пока светло, пока дорогу видно.
Одно беда, что конь мой древний,
Помрёт в пути, вот что обидно.

А значит, снова Новый год в Москве.
Балы и карты, холод в декабре.
Устал от светских всех манер.
Я больше воин, а не кавалер.

Пошлю ка Прохора вновь за вином в трактир.
Ведь чем-то надо душу согреть!
Французы, говорят, хотят нарушить мир.
Коня придётся, видно, помоложе покупать.

Знать, надо тятеньке писать письмо:
Пусть шлёт наличные, что выручил за лес.
Задумчиво он посмотрел на двор через окно,
Там пёс соседский появился и исчез.

Калитка грохнула о ставень, раздался голос:
Иди, иди отсель, вот проходимец и подлец...
Перстами, запустив в кудрявый волос,
С бумагой и пером открыл ларец.

А вскоре, написав трактирщику письмо,
Он прочитал его, и подпись там поставил:
Денис Давыдов, а ниже написав число
И, Прохора позвав, в трактир отправил.

Россия стала вновь великой

Пришёл декабрь метелью белой,
Снежинки на свету горят.
Они, как бабочки, не смелы,
Танцуют вальс вперёд, назад.

Прохожий, завернувшись в шарф,
Спешит быстрее на работу.
Высотка, словно книжный шкаф,
Машинами прикрыла томную зевоту.

Весь город спит во множестве шкафов.
Зима не спит, по городу бродя.
К неудовольствию таджиков и котов.
Им лучше летняя, пусть жаркая, пора.

У мавзолея ели голубые,
Как часовые стражами стоят.
Тут захоронены вожди иные.
В стенах Кремля, как вредный клад.

Их, как богов, народ мой возносил,
И в том проклятие народа моего.
Лежит и тот, кто больше всех убил,
Россию изничтожив, так отмстив за брата своего.

Не сам он убивал, а карандаш его,
Подписывая декреты и указы.
Он напрочь загубил деревню и село,
Россию в целом загубил, что европейская проказа.

Я не сужу его, как всех воров в законе.
Он был счастливый человек!
За алчной мезьей жил в погоне,
И имя будет жить его, но проклят он уже вовек.

Теперь другие времена.
Россия стала вновь великой, хотя иной.
Другие люди, другие правят имена.
Орёл вновь воспарил над окровавленной звездой.

Кумач развязан на руках России.
Над нею гордо реет триколор,
И над Москвою небо синюю,
И мавзолеей стоит, как наш позор...

Над дубравою солнце клонится

Над дубравой солнце клонится.
Там, где ивушка в речку смотрится.
Облака плывут вдаль зовущую.
Я судьбу клянупроклятушую...

Не мытарь мне душу, душеньку
И любовь верни, и подруженьку.
Серебром звенит мурава – трава,
И слышны в тиши ветрены слова:

Не вернуть тебе, знай, любви уже.
Он к другой давно весь присох в душе.
И подруженьки не вернуть назад.
Во сырой земле третий год подряд.

Над дубравой солнце клонится.
Там, где ивушка в речку смотрится.
Облака плывут вдаль зовущую.
Я судьбу клянупроклятушую...

Завыл в трубе разбойник ветер

Завыл в трубе разбойник ветер,
И молнии по небу нить.
Похоже непогожий нынче вечер.
Подкину я полен, чтобы не дать огню остыть.

Вновь прохунилось за гардиной небо,
Дождь с градом, словно из ведра!
Давно я в этом доме не был,
Где жил отец, теперь живёт моя сестра.

Всё та же мебель, обстановка,
Да только нет как год отца.
Марыся, кошка, старая плутовка,
Теперь хозяйка этого дворца.

Она как женщина, к мужчинам льнёт
И от внимания замлевшая урчит.
Пол мраморный холодный, словно лёд,
За двадцать лет, не потерявший вид.

Столетний Бёзендорфер в отблесках камина
Навеял отзвуком далёким и родным,
И столь же старая над ним картина...
Я встал и тихо подошёл, неся Марысю к ним.

Пюпитр любезно показал мне ноты Баха.
Давно не слышал я его.
Рояль задумчиво, как будто бы от страха
Вдруг заиграл токкату с фугой ре-минор.

Завыл в трубе разбойник ветер,
И молнии по небу нить.
Вновь Бах наполнил этот дом и этот вечер,
Не дав огню в душе моей остыть.

Теперь её не растревожит он

Кудрявый месяц меж берёз
Качает небо над собою.
Заполнил паузу вдруг дрозд
Колоколов звучащих боем.

Он серебром своим укрыл,
На плечи мне накинув память.
Об облике, который мил,
Чарует нежностью и манит.

О память тех далёких дней!
Когда был молод и влюблён.
Тревожил душу соловей.
Теперь её не растревожит он.

Отшумела осень. Отгуляла

Отшумела осень. Отгуляла.
Все деревья в обнажении стоят.
Той красы былой уже не стало,
И об этом с грустью вспоминаю я.

Нет для глаз того очарованья.
Затянули тучи неба синеву.
Вновь уходишь, осень? До свиданья!
За тебя берёзки обниму.

Обниму, поглажу нежно,
Прошепчу слова им о любви.
За душу их бархатная снежность
Трогает и сердце тербит.

Отгуляла осень. Отшептала.
Вся её краса почится на земле.
Та, которая листвою опалой
В зелень возродиться по весне.

Возродиться снова и воспрянет
Новой природы красотой,
И тягучий запах одурманил
От цветов с радужной красотой.

И берёзки милые, родные,
Сарафаны новые пошьют,
Да по ветру кудри зеленью резные
Соловьям на зорьке вновь дадут приют.

Отшептала осень. Отшумела.
Все деревья в обнажении стоят.
Той красы былой уже не стало,
И об этом с грустью вспоминаю я.

По тропинке голубой

По тропинке голубой,
Месяцем расшитой,
Возвращался я домой
Мимо груш с раkitой.

Груши зелены совсем,
Вишни хороши!
Обломал я ветку. Ем.
Вкусно! От души!

Комаров, хоть пруд пруди.
Злющие, беда!
Ночью хоть тут не ходи.
Высока трава.

Ноги мокрые давно.
Словно по воде
Проходил я всё кино
В этой лебеде.

Да и фильм то ни о чём.
Снова баламуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.